

Ирина
Одарчук
Паули

**Узел и Брод.
Анатомия
решений**

Ирина Одарчук Паули

Узел и Брод. Анатомия решений

«Автор»

2026

Ирина Одарчук Паули

Узел и Брод. Анатомия решений / Ирина Одарчук Паули —
«Автор», 2026

Что делать, когда привычные ответы перестают работать, а любой выбор кажется шагом в трясины? Герой книги оказывается в метафорическом Болоте, где тонут готовые решения. Вместе с загадочным Вороном Карром и мудрой Старухой Анисьей он проходит семнадцать испытаний-притч. Каждая глава моделирует острую жизненную ситуацию: от трёх секунд молчания перед агрессором и полночных обещаний до выбора между двумя тяжёлыми правдами, предательства ради спасения десятых и отказа от лёгких денег. Книга построена как путешествие сквозь внутреннее болото человеческой нерешительности, страха, гордыни и самообмана. Каждый этап завершается символическим артефактом — песочными часами с застывшим песком, дверью без ручки, монетой на ребре, чёрной свечой, дырявым плащом, — который становится материальным напоминанием о природе осознанного выбора. В финале герой понимает: Болото не снаружи, оно внутри. А выход наружу и выход внутрь ведут через одну и ту же дверь.

© Ирина Одарчук Паули, 2026

© Автор, 2026

Ирина Одарчук Паули

Узел и Брод. Анатомия решений

ПРОЛОГ. Болото, где тонут ответы

Вода была чёрной, но не от грязи — от времени. Казалось, само прошлое растворилось здесь, превратившись в жижу, которая дышала, когда на неё наступали. Туман стоял такой плотный, что звуки рождались и умирали в трёх шагах: чавканье, всхлип, редкий крик птицы, похожий на скрип несмазанной петли.

Странник открыл глаза. Он лежал на спине, и первое, что он увидел, было небо — серое, низкое, как потолок в подвале. Второе — его собственная рука, погружённая в чёрную воду по локоть.

— Не дёргайся, — сказал кто-то сверху.

Странник повернул голову. На чахлой сосне, росшей прямо из кочки, сидел Ворон. Не просто чёрный — чернее, чем можно представить. Его перья не блестели, а впитывали свет. На левом глазу белело пятно — старое бельмо. В клюве он держал медную монету, которую перебирал, будто чётки. Каждое движение клюва было медленным, почти церемониальным. Монета звенела — не серебряным звоном, а глухим, будто по дереву.

— Где я? — спросил Странник. Голос прозвучал чужим — сиплым, как у человека, который долго молчал, а потом его разбудили среди ночи.

— Там, где кончаются готовые ответы, — сказал Ворон. Монета звякнула и перевернулась в клюве. — И начинается плата за трусость. Поздравляю. Ты доплыл до дна.

— Я не плыл.

— Тем хуже. Значит, тебя сюда принесли.

Странник попробовал встать. Левая нога ушла в трясину по щиколотку, и он почувствовал, как холодные пальцы болота сжали ступню. Это было не больно — это было страшно. Страх поднимался от пяток к затылку, как ртуть в термометре. Он замер. Инстинкт кричал: «Дёргай! Вырывай! Плыви!», но что-то внутри — очень глубокая, очень старая память — шептало: «Не двигайся. Болото не терпит спешки. Чем быстрее ты дёргаешься, тем быстрее оно тебя засасывает».

— Умный, — каркнул Ворон. — Или везучий. Большинство начинает брыкаться. А потом я вижу только шапку. Иногда — две шапки. Иногда шапка ещё шевелится. Но это уже не важно. Болото не отдаёт.

— Ты здесь живёшь?

— Я здесь работаю. — Ворон переложил монету из клюва в лапу, потом обратно. — Наблюдаю. Считаю. Иногда подсказываю тем, кто готов слушать. Но обычно люди хотят не подсказок, а чуда. Чтобы пришёл кто-то большой и сильный и вытащил их за шиворот. А чудес в болоте нет. Есть только решения и их тени. Есть только выбор и его цена.

— А ты кто? Ангел? Демон?

— Я — Ворон, — ответил он, и это прозвучало так, будто он назвал себя Временем или Болью. — Меня зовут Карр. И я не спасаю. Я только спрашиваю. А ответы — твои.

Из тумана донёсся звук — ритмичный, деревянный: тук-тук-тук. Это было похоже на костыль, ударяющий по сухой земле, но земли вокруг не было. Была только вода, кочки и чахлые сосны. Через минуту из белой пелены вышла Старуха.

Она была маленькой, сгорбленной, босой. Её ноги ступали по топкой жиже, но не проваливались — будто болото узнавало её и расступалось. Каждый шаг оставлял след, но след затягивался через секунду, как будто вода не хотела хранить память об этой женщине. В руках она несла ведро. Не пластиковое, не железное — деревянное, сбитое из старых планок, стяну-

тых ржавыми обручами. Из ведра что-то глухо стучало — бум-бум-бум — как сердцебиение, помещённое в темноту.

— Потерял? — спросила Старуха, останавливаясь в трёх шагах.

Странник всмотрелся в её лицо. Оно было в морщинах — как кора старого дуба — но глаза остались молодыми. Светло-серыми, почти прозрачными.

— Я даже не знаю, что ищу, — честно ответил Странник.

— Тогда не найдёшь, — сказала она, и это прозвучало не как угроза, а как констатация закона природы — вроде «вода мокрая» или «огонь горячий». — Садись. Точнее, ложись. Ты уже лежишь. Я расскажу, как люди сюда попадают. И как выходят. Но выходят не все.

Она поставила ведро на кочку. Стук внутри прекратился. Наступила такая тишина, что Странник услышал, как падает в воду сосновая иголка. Иголка упала, и от неё пошли круги — медленные, маслянистые, как будто вода была не водой, а чем-то более плотным.

— Смотри, — велела Старуха.

Она наклонила ведро. Оттуда выглянул край старого зеркала — мутного, в тёмных разводах, но ещё не разбитого. Рама была деревянной, резной, но резьба стёрлась, и нельзя было разобрать, что на ней было изображено — цветы или лица.

Странник заглянул. И не увидел своего лица.

Вместо лица он увидел ситуацию. Последнюю. Ту самую, из-за которой он здесь очутился. Она была не картинкой — она была запахом, звуком, тяжестью в груди. Он вспомнил всё: свой страх, свою ложь, свой выбор, который он не сделал, а прохромал. Запах был кислым, как прокисшее молоко. Звук — как чей-то смех, записанный на старую плёнку. Тяжесть — как камень на солнечном сплетении.

— Теперь ты готов, — сказал Ворон. — Начинай.

— Что начинать?

— Жить заново. Только теперь без обмана.

Ворон взмахнул крыльями — тяжело, как больной — и взлетел. Монета упала в болото. Круги пошли медленные, маслянистые. Монета не утонула сразу — она кружилась на поверхности, блестя тусклым медным боком, а потом вода приняла её, и блеск исчез.

Старуха подхватила ведро.

— Семнадцать шагов до твёрдой земли, — сказала она. — Но каждый шаг — притча. И каждый шаг — твой. Никто не пройдёт их за тебя. Даже я. Даже Ворон.

Она исчезла в тумане быстрее, чем можно было ожидать от такой старой женщины. Стук в ведре возобновился — бум-бум-бум — и затих вдалеке.

Странник остался один. Лежал на спине в чёрной воде и смотрел на серое небо. Живот болел от голода. Мысли металась, как мухи в банке.

— Семнадцать, — прошептал он.

Ворон каркнул откуда-то издалека. Очень издалека. Или очень близко — в тумане расстояние теряло смысл.

— Не считай. Иди. Или не иди. Без разницы. Болото никуда не денется.

Странник сел. Сел, а не встал — разница была огромна. Из положения лёжа он перешёл в положение сидя. Под ним что-то твердело. Не земля — просто уплотнившаяся грязь. Но достаточно твёрдая, чтобы не проваливаться дальше.

— Хорошо, — сказал он сам себе. — Пошли.

И сделал первый шаг.

Вода чавкнула, отпуская его ступню. Второй шаг — туман расступился на метр. Третий — и из тумана показалась коряга, похожая на руку, торчащую из воды.

Странник остановился.

— Чья это рука? — спросил он.

— Ничья, — сказал Ворон, сидящий на коряге. — Это твой прошлый выбор. Который ты не сделал. Он торчит здесь уже год. Будешь смотреть — засохнет. Или отойдёшь.

Странник отошёл. Но запомнил.

ГЛАВА 1. Притча о том, кто промолчал

(три секунды, которые решают всё)

Странник не знал, как он попал в эту комнату. Пространство вокруг него менялось, как во сне — только что было болото, серая вода и бесконечный туман, и вот уже под ногами твёрдый пол, а над головой — подвесной потолок с лампами дневного света.

Комната была чужой. Офис. Бежевые стены, пластиковые стулья, запах перекипевшего кофе и дешёвого освежителя воздуха. Странник сидел на одном из стульев. Вокруг сидели другие люди — человек двенадцать. Они не смотрели на него. Они смотрели в пол, в потолок, в свои телефоны, в свои блокноты — куда угодно, только не на Странника.

Напротив, за столом, стоял толстый человек в синем пиджаке. Пиджак был дорогим, но мятым — как будто в нём спали. Лицо толстого человека было красным, потным, с мелкими капельками пота на лысине. Он не стоял — он нависал. Его тело было оружием, и он это знал.

— Ты! — Палец взметнулся вверх. Короткий, с пожелтевшим ногтем. — Ты! В последнем ряду!

Странник оглянулся. За ним никого не было.

— Ты, я сказал! — Палец упёрся в грудь Странника. Не коснулся — остановился в сантиметре, но давление было физическим.

Странник поднял глаза.

— Ты — ничтожество! — сказал толстый человек. Каждое слово было отдельным ударом. — Ни-что-же-ство!

Кровь ударила в лицо. Горячая, как кипяток. Странник почувствовал, как его щёки заливают краской. Кулаки сжались сами — ногти впились в ладони. В горле родился ответ. Не просто ответ — целая тирада, выстроенная, отточенная, убийственная. Он мог перечислить все ошибки толстого человека. Мог напомнить ему о прошлом годе, о сорванном контракте, о любовнице, о всём, что держали в тайне. Слова уже стояли на языке, готовые вылететь, как пули.

Тяжесть на плече.

Странник дёрнулся. Левое плечо внезапно стало тяжёлым, как будто кто-то положил на него мешок с песком. Он повернул голову.

На плече сидел Ворон. Не живой — так, полутень, полусон. Его перья были чёрными, но не блестящими — они были матовыми, как сажа. Бельмо на левом глазу горело тусклым белым светом, как луна в облаках.

— А если он прав? — спросил Ворон. Голос был хриплым, как наждак, трущийся о стекло. — Что тогда?

Странник замер. Время замедлилось. Он вдруг увидел комнату иначе. Не как арену битвы — как сцену театра. Толстый человек в синем пиджаке был не врагом. Он был актёром. Плохим актёром, который играл роль «начальника, который всех строит». И он ждал реплики. Он хотел, чтобы Странник ответил. Чтобы началась драка. Чтобы можно было кричать дальше, топтать ногами, брызгать слюной.

Люди вокруг — зрители. Они пришли не на работу — на кровь. Их телефоны были заряжены, чтобы снимать. Их чашки с кофе были полны, чтобы держать в руках, пока разворачивается представление.

«Если я отвечу, — подумал Странник, — я дам ему то, чего он хочет. Я стану таким же, как он. Мы сцепимся, как собаки, и все получают удовольствие. Кроме меня».

Ворон молчал. Только тяжесть на плече росла.

Странник выдохнул. Долго, медленно, как будто выпускал из лёгких всё, что там накопилось за годы обид. Воздух вышел со свистом. Грудная клетка сжалась, потом расширилась снова.

Толстый человек уже занёс палец для следующего удара. Его рот открылся, чтобы выдохнуть новое оскорбление.

Странник сказал:

— Возможно

Пауза. Всего одна секунда. В комнате стало тихо.

— Расскажите подробнее, — продолжил Странник. Его голос не дрожал. — Чтобы я понял.

Не потому, что он был смелым. Не потому, что он был мудрым. Потому что он вдруг перестал бояться. Страх ушёл туда, откуда пришла тяжесть вороньего крыла — в ту самую щель между «ударь» и «стерпи», куда обычно никто не заглядывает.

Толстый человек растерялся. Это было видно. Его палец — только что такой уверенный — повис в воздухе. Глаза забегали. Он открыл рот, закрыл, открыл снова. Ничего не вышло. Оскорбление, которое должно было ударить, повисло в воздухе, как мокрая тряпка на верёвке.

— Я... — начал он и замолчал.

Люди зашевелились. Кто-то кашлянул. Кто-то поставил чашку с кофе на стол. Кто-то встал и вышел, не сказав ни слова.

Толстый человек опустил руку.

— Недоразумение, — пробормотал он. — Рабочий момент.

Он сел на своё место. Красный, как рак. Пот стекал по вискам.

Странник смотрел на него без торжества. Только с удивлением — как смотрят на фокус, который только что увидел, но не понял, как он работает.

— Это сработало, — тихо сказал он сам себе.

— Не «сработало», — услышал он рядом. Ворон перелетел на спинку соседнего стула. Теперь он был почти материальным — перья можно было разглядеть, каждое в отдельности, каждое — чёрное с фиолетовым отливом. — Ты выбрал. В первые три секунды. Самые опасные три секунды в жизни любого человека.

— Почему самые опасные?

— Потому что в них ты либо хозяин молчания, либо раб языка. В них решается, кто ты — человек, который управляет собой, или марионетка, которую дёргает любая чужая обида.

Странник помолчал. Потом спросил мысленно — потому что говорить вслух с птицей в офисе, полным людей, было бы странно:

— А если бы я ответил?

— Тогда ты бы сейчас стоял в болоте по пояс, — услышал он в ответ. Голос Ворона звучал прямо в голове, без посредничества ушей. — И удивлялся, почему тебя засасывает. Ты думаешь, что болото — это грязь и вода? Нет. Болото — это время, потраченное на месть. Это слово, сказанное в ответ на слово. Это гордость, которая тонет сама, потому что тяжелее всякой трясины. Ты бы ответил — и завяз. Каждое следующее слово было бы новым шагом вглубь. А сейчас ты стоишь на твёрдом. Потому что не стал играть в его игру.

Ворон исчез. Или не исчез — просто Странник перестал его видеть. Тяжесть на плече ушла. Стало легче, но легче не значит свободнее.

Странник встал. Никто не смотрел на него. Толстый человек что-то писал в блокноте, не поднимая головы.

Он вышел из комнаты. Коридор был длинным, белым, с лампами дневного света. Пол скользким — кафель, который мыли час назад. Запах хлорки.

На улице шёл дождь. Мелкий, осенний, такой, после которого не мокнешь, а киснешь. Вода стекала по воротнику, по спине, по рукам — не холодная, просто серая.

На скамейке у входа сидела Старуха Анисья. Рядом — её ведро. Ведро стучало — бум-бум — как сердце.

— Промок? — спросила она.

— Нет, — сказал Странник. — Я промолчал.

— Это одно и то же, — сказала она. — Иногда.

Она опустила руку в ведро. Что-то зашуршало, зазвенело. Она достала песочные часы. Но не обычные. Стекло было мутным, старым — с пузырьками внутри, как в янтаре. Песок — чёрным, мелким, похожим на перемолотый уголь. Но самое странное: песок в часах не сыпался. Он стоял. Застыл ровно посередине — верхняя и нижняя половины были разделены тонкой линией чёрного.

— Первые три секунды, — сказала Анисья. — Вот они. Застыли. Потому что ты не дал им упасть. Ты не дал времени стать ударом.

Она протянула часы Страннику. Он взял. Стекло было холодным, как лёд, но когда пальцы сомкнулись вокруг корпуса, холод сменился теплом — как будто внутри билось что-то живое.

— Что с ними делать?

— Носи с собой. Когда почувствуешь, что готов ударить в ответ — посмотри. Песок не двинется, пока ты молчишь. Но как только скажешь лишнее — он посыплется. И остановить его будет нельзя. Часы превратятся в обычные часы, которые тикают до конца, а потом — пустота.

— Пустота?

— Ты никогда не сможешь повторить этот выбор. Молчание — это не навык. Это каждый раз новое решение. Часы помогут тебе помнить, что ты уже сделал это однажды. Значит, можешь сделать снова.

Странник спрятал часы во внутренний карман куртки. Они были тёплыми, как живое тело. Время от времени он чувствовал лёгкую вибрацию — как будто песок внутри пытался двинуться, но застревал.

— Одна глава пройдена, — сказала Анисья. — Осталось шестнадцать.

— А что потом?

— Потом ты либо выйдешь из болота, либо поймёшь, что болото было внутри. И это одно и то же, на самом деле. Потому что выход наружу и выход внутрь — это одна и та же дверь.

Она поднялась. Ведро стукнуло — бум. Из ведра донёсся глухой звук, похожий на вздох.

— Иди, — сказала она. — Тебя ждёт полночь.

— Какая полночь?

— Та, где дают обещания, которые не могут выполнить. Та, где слова кажутся крепче камня, а на утро рассыпаются в прах.

Странник пошёл. Дождь кончился так же внезапно, как начался. На асфальте блестели лужи, и в каждой отражалось небо — не серое уже, а сизое, с просветами.

Через три шага он обернулся. Скамейка была пуста. Только мокрый лист лежал на том месте, где сидела Анисья.

— Она всегда так исчезает? — спросил Странник.

Ворон сидел на фонарном столбе.

— Она исчезает, когда ты перестаёшь в ней нуждаться. И возвращается, когда забываешь, что такое страх.

— А она вообще существует? Или я её выдумал?

— Это неправильный вопрос, — сказал Ворон. — Правильный: «Важно ли это?» Существование и важность — разные вещи. Ветер существует? Да. Ты можешь его потрогать? Нет. Но он важен. Так и Анисья.

Ворон взлетел, разбрызгивая дождевую воду с крыльев. Полетел низко, над лужами, иногда касаясь воды кончиками перьев.

Странник пошёл за ним.

ГЛАВА 2. Притча о полночном обещании

(ночные слова, которые убивают на рассвете)

Полночь наступила неожиданно. Странник сидел в дешёвой гостинице — комнатка на пятом этаже без лифта, обои в цветочек, который был модным двадцать лет назад, запах сырости и чужих сигарет. За окном выл ветер, и в этом вое было что-то человеческое — не жалоба даже, а мольба. Жалоба требует слушателя, а мольба — только неба.

На столе лежало письмо. Бумажное, сложенное вчетверо, с мятыми краями. Друг писал: «Спаси меня. Мне нужно пять тысяч до утра. Или я пропал. Ты единственный, кто может помочь. Ты всегда помогал. Не бросай меня сейчас. Пожалуйста. Я знаю, что у тебя нет денег. Но ты что-нибудь придумаешь. Ты всегда придумывал. Если не поможешь — я не знаю, что сделаю с собой. Твой друг. Навсегда. Витя».

Странник перечитал письмо пять раз. Шестой раз был бы лишним — он запомнил каждое слово. Денег у него не было. Совсем. Ни копейки. Он проверил все карманы: в одном — старая зажигалка, в другом — проездной билет с истёкшим сроком, в третьем — сухой хлебный корж в целлофане. Всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.